Депутат Законодательного собрания Камчатского края Игорь Ярославович Капелюх единственный среди народных избранников, кто в начале мая этого года добровольцем отправился на фронт в зону специальной военной операции на Украину. Указом главы Донецкой Народной Республики Игорь Ярославович Капелюх был награжден медалью Донецкой Народной Республики «За отвагу». В конце ноября наш земляк вернулся на Камчатку.

Это не единственная военная операция, в которой принимал участие Игорь Капелюх. За его плечами остались первая и вторая чеченские кампании. За проявленное мужество был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» 2 степени. В мирное время Игорь Ярославович удостоен ведомственной медали «За отличие в охране общественного порядка». За время службы получил четыре ранения, два из которых ножевые. В боях на территории Донецкой Народной Республики Игорь Капелюх командовал расчетом беспилотных летательных аппаратов.

Улыбчивый, с хорошим чувством юмора, Игорь Ярославович совсем не производит впечатления воина-спецназовца, имеющего за плечами огромный боевой опыт. О своей жизни сейчас и прошлых боевых буднях рассказывать не любит, и мне стоило огромных усилий вызвать его на откровенность.

Корр.: Игорь Ярославович, это правда, что за расчетами беспилотных летательных аппаратов в зоне специальной военной операции украинские неонацисты устроили настоящую охоту?

И.Я.: Да, это так, поэтому от бойцов, входящих в состав расчета беспилотников, требуется максимальная оперативность и отвага. Мы запускаем дроны, как правило, с открытой местности, и в этот момент становимся особенно уязвимыми.

Корр.: Что побудило Вас добровольно отправиться в зону специальной военной операции на Украине, ведь у Вас в семье трое несовершеннолетних детей, а за плечами две войны? Не спрашивали, себя сколько можно?

И.Я.: Во-первых, как и у всех военнослужащих, воюющих на Украине, у меня есть чувство долга. В лихую годину любой мужчина должен стать защитником, извините за громкие слова, своей страны, семьи, женщин, стариков, детей, одним словом, всех своих соотечественников, по тем или иным причинам не имеющих возможности принять участие в боевых действиях. И потом, я должен показывать пример своим детям. Во-вторых, в зоне СВО мы сражаемся не просто с украинскими неонацистами, но и со всей военной машиной стран НАТО, которые, по сути, объявили России войну.

Корр.: Нередко можно слышать о так называемых российских либералах, которым больше подходит название предатели, что неонацистов в рядах Вооруженных Сил Украины (ВСУ) не так уж и много. Поэтому солдат ВСУ нельзя называть нацистами. Что Вы на это скажете?

И.Я.: Есть такое расхожее высказывание: неважно, кем ты являешься, важно, кому ты служишь. Вся украинская верхушка исповедует и насаждает русофобскую, неонацистскую, людоедскую идеологию. Они воспитывают и готовят своих граждан, которым с детства вбивают в голову, что убивать русских людей, включая детей, женщин, стариков, – это благо. Одним словом, неонацистская власть на Украине учит ненавидеть всё российское и, надо сказать, в этом преуспела.

Корр.: Военнослужащие ВСУ воюют хорошо?

И.Я.: Да, в смысле военного искусства они достойные противники.

Корр.: В чём мы их превосходим на поле боя, если можно так сказать, и в чём проигрываем?

И.Я.: Выскажу свою точку зрения. Благодаря НАТО укры обладают более высокоточным оружием и поэтому тратят меньше боеприпасов. Но мы научились противодействовать их системам вооружения. Мы превосходим их боевым духом. Но чтобы так оставалось и впредь, наше правительство должно тщательно следить за исполнением обязательств со стороны государства перед своими военнослужащими.

Корр.: Что больше всего Вам запомнилось на передовой, когда Вы воевали на территории Донецкой Народной Республики?

И.Я.: Мне запомнилась страшная летняя жара – больше 40 градусов по Цельсию. Можете себе представьте, что ощущает человек, бегая по такой жаре, когда на тебе надеты разгрузка, бронежилет, каска, оружие, боеприпасы и другие необходимые в бою вещи. Даже мне, физически натренированному человеку, было нелегко, хорошо если рядом были лесополки (лесополосы. – *Прим. ред.*), где можно было спрятаться от палящего солнца и вражеских дронов, но не всегда это удавалось.

Корр.: Специальная военная операция на Украине сильно отличается от чеченских войн?

И.Я.: Это абсолютно разные военные кампании по способам и тактике ведения боевых действий, применению оружия и техники.

Корр.: Игорь Ярославович, припомните, пожалуйста, свой первый бой.

И.Я.: Боюсь, первый свой бой я помню не так подробно и ярко, как тот, в котором меня ранило. В то время в составе батальона внутренних войск мы дислоцировались в селении Шали (Чеченская Республика. – ***Авт.***). К нам обратился командир батальона внутренних войск, чтобы наш отряд помог сопроводить заместителя командующего внутренними войсками РФ в селение Чири-Юрт. Командир батальона пояснил, что его солдаты сплошь и рядом новобранцы, и поэтому он просит нас о помощи. Разумеется, мы согласились, хотя формально не подчинялись комбату. На пути из одного селения в другое боевики часто устраивали засады, минировали дороги, обочины, переправы через речку. Этот рейд не стал исключением. После того как мы сопроводили заместителя командующего внутренними войсками РФ к месту его новой дислокации, отправились назад. На обратном пути командир группы решил срезать путь, переправившись через мелкую горную речушку. Прежде чем начать движение, мне предложили занять командирское место в бронетранспортере, которое находилось справа от механика-водителя. Я залез в БТР, разместился поудобнее, но меня не покидало тревожное ощущение опасности. Каким-то шестым чувством я понял, что

нельзя оставаться на командирском месте, и вылез через люк на броню, расположился наверху, рядом с пулеметной башней бронетранспортера, и мы тронулись в путь. Переправляясь через речку, БТР правым передним колесом наехал на противотанковую мину, имеющую кумулятивное действие (это означает, что взрыв направляется вверх для более эффективного поражения бронетехники). Столб огня, камней и грязи пробил наш бронетранспортер насквозь как раз под тем местом, где должен был находиться командир. Колесо улетело примерно на 500 метров в сторону. Обломки командирского кресла и люка разлетелись в разные стороны. Бронетранспортер поднялся почти перпендикулярно земле и с грохотом опустился назад. Всех, кто находился на броне, разметало в разные стороны. Я хорошо помню, что какая-то нечеловеческая сила подняла меня и бросила на землю. Через некоторое время, оглушенный взрывом, я пришел в себя и первый вопрос, который пришел мне в голову, звучал, наверное, глупо: «Я мертвый или живой?» Вначале я попытался покрутить головой, затем поочередно пошевелил руками, ногами и только потом открыл глаза. Никакой боли я не чувствовал и стал искать глазами своё оружие. Автомат был прикручен ремнем к моей руке, но после взрыва от ремня остались одни ошметки, а искореженный автомат валялся неподалеку. Вокруг лежали мои товарищи, и казалось, что в живых остался только один я. С другого берега реки из засады по нам открыли шквальный огонь. Подобрав другой исправный автомат, я начал отстреливаться. Хорошо помню свист пуль над головой и то, что сильно болела нога. Вскоре подоспела помощь, и мы выбили из «зеленки» боевиков. Через месяц наш отряд определил всех, кто устроил нам засаду.

Корр.: Я правильно понимаю, что преступники были наказаны?

И.Я.: Правильно понимаете. После боя мы собрали раненых. К счастью, никто не был убит. Сильно обгорел наш механик-водитель. Вернувшись в Шали, я обратился к фельдшеру, сказав, что у меня сильно болит нога. Тот осмотрел её и дал мне мазь «Спасатель» вместе с резиновым бинтом со словами: «Мажь утром и вечером, а потом туго перематывай резиновым бинтом». Я так и делал. Лишь через два месяца, вернувшись в Петропавловск-Камчатский, на рентгенснимке врач-травматолог обнаружил опухоль в районе малой берцовой кости и, решив, что это раковая опухоль, отправил меня на обследование в онкодиспансер. Врач-онколог, внимательно ознакомившись со всеми снимками, выразился нецензурно и сказал, что никакая это не злокачественная опухоль, а большая костная мозоль, образовавшаяся от полученных переломов.

Корр.: Выходит, мазь «Спасатель» и резиновый бинт помогли?

И.Я.: (*смеется*) Да, получается, помогли. Конечно, я чувствовал достаточно сильную боль, но фельдшер сказал, что это растяжение мышц, и всё скоро пройдет. Мне пришлось с поломанной ногой воевать еще два месяца.

Корр.: Игорь Ярославович, расскажите немного о себе.

И.Я.: Я родился на Камчатке 12 октября 1973 года в простой семье. Мой отец работал водителем в автоколонне 1400, затем в ДОСААФе, а мама воспитателем в детском саду. У меня есть старший брат Артур, который работает на ТЭЦ-2 инженером по технике безопасности. Сестра Галина, самая старшая среди нас, трудится в доме малютки. Мы росли дружными и с детства были приучены к работе. Наша семья ничем особо не выделалась среди других, разве что отсутствием тяги к вредным привычкам. Окончив восемь классов средней школы № 9, я поступил в первое профессионально-техническое училище, где получил специальность «слесарь-судоремонтник». Во время обучения интенсивно занимался силовыми видами спорта и единоборствами. После окончания ПТУ меня призвали на срочную службу в Вооруженные силы РФ. После демобилизации в 1993 году я пошел служить в органы внутренних дел. В 2002 году заочно окончил Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации и получил специальность «юрист». **Руководил Краевым государственным автономным учреждением «Охрана камчатских лесов». В настоящее время являюсь генеральным директором рыбоперерабатывающей компании ООО «Заря». В 2021 году жители избирательного округа 3 оказали мне доверие, выбрав депутатом Законодательного собрания Камчатского края.**

Корр.: Расскажите, за что Вы получили медаль «За отличие в охране общественного порядка»?

И.Я.: Это давняя история. В середине 90-х мы боролись с оргпреступностью и разрабатывали одну из этнических группировок. Наш агент дал информацию, что четыре члена банды, которые терроризировали граждан, занимавшиеся разбоем и вымогательством, соберутся в одном месте. Такую возможность упускать было нельзя, решение нужно было принимать быстро, и мы вдвоем с моим непосредственным начальником отправились на задержание. В те времена после рабочего дня мы сдавали оружие в оружейную комнату, так что пошли задерживать бандитов с голыми руками. Оказалось, агент ошибся. На встречу собрались не четыре бандита, а двадцать пять. После фразы: «Здравствуйте, милиция, предъявите документы», – на нас накинулось два десятка человек. Лидер группировки трижды ударил меня ножом в спину. Два раза нож попал в кость, а третье ранение оказалось проникающим, лезвие прошло всего в

сантиметре от сердца и пробило легкое. Мой напарник отбивался от нескольких человек. После того как нападавшие увидели меня, лежащего на полу и истекающего кровью, они разбежались.

Корр.: Что было потом?

И.Я.: Потом было долгое лечение в госпитале и длительный период восстановления. Главаря банды, который меня ранил, поймали в Москве и этапировали на Камчатку, судили и приговорили к 12 годам лишения свободы.

Корр.: Учитывая боевое прошлое своего мужа, Вашей супруге приходится нелегко?

И.Я.: Да, разумеется, нелегко, мне просто повезло. Я женат на любимой женщине. Моя супруга Ирина родилась и выросла на Камчатке. Она так же, как и я, окончила среднюю школу № 9, а затем Камчатский государственный технический университет. Сейчас она работает бухгалтером в коммерческом предприятии. Она заботится о том, чтобы в нашем доме всегда было тепло и уютно всем членам нашей дружной семьи – трем сыновьям и дочке.

Корр.: Игорь Ярославович, что бы Вы пожелали в преддверии Нового 2024 года своим землякам-камчатцам?

И.Я.: Я желаю не только землякам, но и всем своим соотечественникам скорейшей победы над врагом. Пусть все наши бойцы вернутся домой живыми и здоровыми.

Корр.: Мне осталось лишь присоединиться к Вашим пожеланиям.

Вячеслав СКАЛАЦКИИ